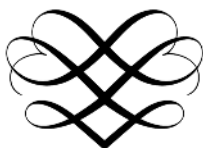

СУПЕР-ПРЕМЬЕРЫ
КИНО и ТВ

НАТАЛЬЯ ПАВЛИЩЕВА

ЕКАТЕРИНА
и ПОТЕМКИН

ТАЙНЫЙ
БРАК
ИМПЕРАТРИЦЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П12

Художник Алексей Дурасов

Павлицева, Наталья Павловна.

П12 Екатерина и Потемкин. Тайный брак Императрицы / Наталья Павлицева. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. — 288 с. — (Суперпремьеры кино и ТВ).

ISBN 978-5-699-97399-6

Ее ославили как «Северную Мессалину» и «распутницу на троне». О ее «сластолюбии» и «ненасытности» ходят легенды. Екатерине Великой приписывают множество любовников, но лишь одного из фаворитов она любила по-настоящему, всю жизнь, даже после разлуки, лишь с ним тайно сочеталась браком, лишь Григорий Потемкин был достоин ее страсти и стал «ночным императором» России. Чем же крестьянский сын покорило сердце Императрицы? Легендарной мужской силой? Острым умом, бешеной энергией, государственным талантом? Тем, что свято хранил тайну их брака или готовностью принять ее такой, как есть?

Не судите эту пару слишком строго – они не были простыми смертными и жили в эпоху, когда альковные утехы зачастую определяли политику, личная жизнь Императрицы была делом государственной важности, а ее тайный супруг – одним из крупнейших государственных деятелей столетия.

Захватывающий роман о незабвенной Екатерининской эпохе, которую по праву величают «Золотым веком» Российской империи, о грандиозных свершениях, сердечных тайнах и любовных секретах легендарной Императрицы.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97399-6

© Павлицева Н. П., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ПОСЛЕ ПЕРЕВОРОТА

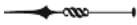

«**В**се дело заключалось в том, чтобы или погибнуть вместе с сумасшедшим, или спастись вместе с народом, который хотел избавиться от него. Если бы он вел себя благоразумней, с ним бы ничего не случилось...»

Это Екатерина написала через много лет после переворота, вознесшего ее на вершину власти, а в конце июня 1762 года ни времени на раздумья, ни самих раздумий не было. Да и выбор у нее оказался невелик — либо переворот с воцарением, либо Шлиссельбургская крепость и недолгая тоскливая жизнь в сыром каземате вместе с сыном Павлом.

Екатерина выбрала первое и победила, став императрицей российской.

За Петра некому оказалось заступиться. Никому и в голову не пришло заступаться, даже Лизка Воронцова с сородичами, уж на что зависела от свергнутого императора, но лишь поканючила, чтоб разрешили по-

жить с ним рядом, а получила отказ и спокойно уехала в свою подмосковную деревню.

Рука императрицы на мгновение замерла над листом бумаги, это не было официальное послание, скорее записка, но достаточно важная для нее самой.

Куда девать поверженную фаворитку?

Лизка Воронцова Екатерине при дворе не нужна вовсе, никто и так не понимал, почему обиженная жена не мстит за свое многолетнее поругание полюбовнице. Воронцову не только не бросили в крепость, не постригли в монастырь, но и вовсе просто отправили в собственное подмосковное имение.

Нашлись те, кто шептался, мол, Лизкина сестрица Катька Дашкова за опальную похлопотала. Это было смешно, потому что Дашковой дай волю — она сама сестру в оковы заковала бы! И Екатерина Дашкова тоже не понимала подругу — новую императрицу Екатерину Алексеевну: ну чего с Лизкой возиться, мало от нее, паскуды, неприятностей претерпели?!

А государыне бедолагу по-женски жаль: некрасивая, рябая, неопрятная, вся прокуренная... где уж такой мужа сыскать, если еще и в опале будет? Пусть пока в подмосковной поживет, потом мужа сыщут, может, семья и сладится. Не все мужчины на женскую красоту падки, некоторым и рябую рожу подавай, вон, бывший император лучше Лизки никого для себя не знал...

Перо опустилось на бумагу, побежали буквы, складываясь в слова... Екатерина очень старалась быть русской и язык учила, и обычаи, но не все получалось так хорошо, как хотелось бы, говорила с акцентом, а писала и того хуже. Прежняя императрица Елизавета

❖ ЕКАТЕРИНА И ПОТЕМКИН

Фаворит Императрицы

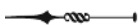
Петровна не пожелала, чтобы жена племянника была очень грамотной, приказала прекратить ее учебу, как только поняла, что Екатерина легко превзойдет и ее саму. Оставалось учиться самой по книгам, благо в них недостатка не было. Но самостоятельно грамматике выучиться трудно, вот и хромал русский язык у матушки Екатерины Алексеевны всю жизнь...

«Перфильич, сказывал ли ты кому из Лизаветиных сродственников, чтобы она ко двору-то не замахнулась, не то боюсь по скудоумию да ко всеобщему соблазну завтра же прилетит...»

Иван Перфильевич Елагин, которому адресовалась записка, возвращен из ссылки сразу же после воцарения Екатерины, как и Бестужев. Перфильевич многое знал о новой императрице тайного, потому что поддерживал их с Понятовским и хорошо помогал влюбленным, за что и был пятнадцать лет назад Елизаветой Петровной сослан одновременно с Бестужевым.

Забегая вперед, можно сказать, что бывшая фаворитка Петра III Елизавета Романовна Воронцова не только не была подвергнута опале со стороны Екатерины II, но и выдана ею замуж за бригадира Полянского, а сама Екатерина даже стала крестной ее сына! Хотя запрет появляться при дворе действовал до самой весьма нескорой смерти Лизки, но в свете она бывала, в Москве и Петербурге жила, правда, замечали госпожу Полянскую мало...

Григорий Орлов лежал, опершись на согнутую в локте руку, и наблюдал за любовницей. Императрица... Конечно, пока только по названию, потому что то-

ропится короноваться. Но для Гришки она была скорее просто женщиной. Крепкая, сильная, неутомимая в ночных ласках, рядом с Екатериной он чувствовал себя освободителем.

Братя Алексей, которого все звали Алеханом, и Иван относятся к Екатерине иначе. Алехан все рвется Катю на трон посадить и рядом встать. Он не менее красив, чем Гришка, если бы не шрам через половину лица, Катю старшему брату ни за что не уступил бы. В глубине души Григорий понимал, что брат умней, сильней, а главное, хитрей его, но Екатерина привечала больше Гришу, Алехан не мешал, только следил, чтоб кто другой близко к Великой княгине, а теперь императрице, не подходил. Братя были дружны.

А вот Иван — тот осторожничал. И чего боится? Иван из Орловых самый старший, есть еще два брата младше Алехана — Федор и Володька, но те мальцы пока; Владимира вовсе ни во что не вмешивали — успеет башкой порисковать. Иван боялся, чтобы Катю не сбросили, а за ней и Орловы не пострадали.

Григорий снова глянул на одевавшуюся Екатерину. Кто ее сбросит? Вон она, живая, теплая... Вдруг страшно захотелось заграбастать в охапку и повалить в постель. Словно чувствуя желания любовника, Екатерина вздохнула:

— Ты спи, Гриш, тебе можно. А мне вон сколько бумаг разбирать... Одних прошений десятки не рассмотренных.

Хотела добавить, мол, помог бы, но подумала, что не стоит Орлову поручать то, что должна сама делать.

Борясь с возникшим желанием, Григорий перевернулся на другой бок. Такое повторялось каждое утро —

❖ ЕКАТЕРИНА И ПОТЕМКИН

Фаворит Императрицы

она вставала ни свет ни заря, сама одевалась, умывалась и садилась работать. Любовник оставался скучать в постели. Правда, разбуженный Орлов легко засыпал снова, и сама Екатерина старалась не шуметь, но у Гришки все же шевелилась совесть.

Мелькнула мысль: помочь, что ли? Проваливаясь в сладкий сон, решил: ладно, потом...

Орлов и правда помогал; постепенно многочасовая работа любовницы стала затягивать и его, стыдно валиться в постели, когда Катя рядом над бумагами корпит, ворчал, что не своим делом занимается, но все же старался и сам вникнуть.

Иногда Григорий разбирал прошения, чтобы хоть отсортировать те, на которые стоило обратить внимание Екатерине.

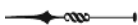
— Ишь какой! Верни ему имена, которые за участие в заговоре отобраны были! — Орлов заглянул в подпись. — Василий Минович... Кать, а чем мятеж от заговора или переворота отличается? Не одна ли суть?

Екатерина лукаво усмехнулась:

— Суть одна, да только результат разный. Заговор, когда все в мыслях да словах остается, мятеж — ежели бунтовали, да неудачно, а вот ежели удалось — так переворот.

— У нас переворот! — объявил Орлов, швыряя бумагу в стопку тех, на которые следовало обратить внимание в последнюю очередь. Знать бы, к чему это приведет!

Это действительно был переворот, приведший к воцарению Екатерины и к гибели Петра III, переворот, не встретивший никакого сопротивления, слишком нелюбим был Петр Федорович всеми...

Сначала казалось, что переворот прошел легко и безболезненно, если не считать, конечно, убитого императора, вернее, бывшего императора Петра III. Екатерина не стала никого наказывать или ссылать, даже активный помощник Петра Миних, настаивавший на казни самой Екатерины, всего лишь отправлен в Ревель, что едва ли можно считать наказанием. А уж наград и подарков роздано несметное количество! Не забыт никто из поддержавших новую правительницу: от Орловых до простых солдат столичных полков, люд петербургский кормлен, поен за счет казны от пуза несколько дней.

Понравилось, все казалось, еще не конец, снова нужно кого-то свергать, кого-то славить. Первые дни пьяные гвардейцы, веря любым слухам, то и дело требовали императрицу показаться, чтобы убедиться, что с ней ничего дурного не случилось. Но постепенно государыня с немецкой педантичностью принялась приводить дела в порядок.

Полки, участвовавшие в перевороте, были успокоены, возвращены в казармы и к своей прежней службе; наказанные и сосланные сначала Елизаветой, а потом Петром, сторонники самой Екатерины возвращены из ссылки, остальная работа и не прерывалась, разве что на пару первых дней.

И все равно, многим показалось, что их обделили, что кто-то рядом получил чуть больше, хотелось еще и еще подарков и наград, особенно гвардии. Завидовали братьям Орловым...

Екатерина сразу же столкнулась с серьезным сопротивлением воспитателя своего сына Павла. Каза-

❖ ЕКАТЕРИНА И ПОТЕМКИН

Фаворит Императрицы

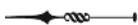
лось бы, Никита Иванович Панин должен быть благодарен Екатерине больше других: что ожидало его в случае помещения в крепость Павла Петровича? Только соседняя камера. Ведь Петр III сына даже наследником не назвал и намеревался отправить в Шлиссельбургскую крепость вместе с матерью — Екатериной! Воспитателю царевича Павла Панину — прямая дорога туда же.

Но благодарность не входила в число достоинств умного Панина; он желал не воцарения Екатерины, а лишь ее регентства. Свергнут и убит Петр III? Прекрасно, значит, новым императором должен быть провозглашен юный Павел Петрович, а его мать Екатерина — только регентшей, причем в составе регентского совета. Ну и что, что это ради нее гвардейцы совершили переворот? Гвардейцы уже награждены, достаточно и того...

Вернувшийся из ссылки Бестужев тоже не считал возможным оставить Екатерину единовластной правительницей, но полагал иначе. Юный Павел на троне ему вовсе не нравился, потому как означал власть Панина: выход бывший канцлер видел в срочном замужестве Екатерины, только уже безо всяких голштинских родственников!

Казалось, Бестужев прав, немка на троне, причем просто свергнувшая, пусть и голштинца по рождению и духу, но все же внука Петрова, — это очень зыбко, тут для любых заговоров раздолье. В голове бывшего канцлера гранитной глыбой засела мысль о новом замужестве Екатерины.

Екатерине нужен муж, только кто?

Бестужев не придумал ничего лучше, как предложить Ивана Антоновича — царевича, еще в младенчестве свергнутого Елизаветой Петровной. Сам понимал, что нелепо, ведь Иван Антонович умом тронулся и от двадцати лет заключения одичал совсем, к тому же нездоров, зато законный государь. О том, как отнесется гвардия к воцарению того, кого эта же гвардия, пусть и двадцать лет назад свергла, Бестужев почему-то не думал.

Конечно, была еще кандидатура Григория Орлова, но он уж слишком незнатен и к тому же беспокоен, от этого малого ожидать можно чего угодно. Нет, такой государь означал бы одни хлопоты...

Самой «невесте» заниматься такими глупостями было попросту некогда. Она не говорила ни да ни нет Панину, лишь намеками обещая (чтобы не злить раньше времени) отдать власть Павлу, когда тот станет совершеннолетним, спокойно выслушивала Бестужева, спала с Григорием Орловым, успокаивала гвардию, раздавала милости и награды и... работала. Почему-то этого никто и не заметил.

Княгиня Екатерина Дашкова, сестра бывшей фаворитки Лизки Воронцовой, все не могла успокоиться; ей казалось, что государыня должна продолжать свое триумфальное шествие. Куда? Какая разница, главное, чтобы все бурлило, кипело, чтобы кричали «Виват!», а главное, в чем-то участвовала она сама.

Выслушивать вместе с императрицей доклады министров и чиновников или разбирать скучные бумаги Дашковой казалось невыносимым. Разве это правле-

❖ ЕКАТЕРИНА И ПОТЕМКИН

Фаворит Императрицы

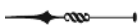

ние?! Для бумаг существует Сенат, для разных дел — чиновники, а императрица должна блистать и вдохновлять подданных. Неугомонная подруга, решившая, что ее вклад в переворот недооценен, хотя сама она не смогла бы объяснить в чем, кроме присутствия везде рядом с Екатериной, он выражался, обиделась, особенно когда увидела, что Григорию Орлову отдается предпочтение не только в постели, но и в некоторых делах.

А Екатерине оказалось просто некогда обсуждать с довольно навязчивой подругой все подробности — она разбиралась с делами в государстве.

Екатерине предстояла первая встреча с Сенатом. Одно дело — войти во дворец при поддержке гвардии и объявить Петра низложенным, и совсем другое — теперь показать господам сенаторам, что она не слабая немка, нечаянно вознесенная судьбой на самую вершину власти, а действительно государыня. Императрице требовалось отвлечь Сенат от обсуждения возможности регентства или замужества и перевести все речи на обсуждение насущных дел, коих за время последних лет бездеятельности Елизаветы Петровны и неумного правления Петра III накопилось немало. Чем скорее эти дела будут сделаны, чем скорее в стране будет наведен хоть какой-то порядок, тем выше вероятность, что ее не скинут, как Петра, только теперь в пользу Павла.

Екатерина не была против правления сына, но он еще совсем мал, значит, обязательно регентство. Однако императрица понимала, что в качестве регентши будет связана по рукам и ногам, значит, ничего сде-

лать самой не дадут, и пока подрастет Павел, хаос только усилится.

Никто не знал, сколько часов она провела в раздумьях о том, стоит ли взваливать на свои плечи такую обузу, как управление огромнейшей империей, ни просторов, ни проблем которой не охватить. Екатерина разговаривала, улыбалась, отвечала на вопросы и задавала их сама, кому-то возражала, с кем-то соглашалась, а внутри даже не всегда заметно для нее самой шло это осмысление.

Сначала, когда все только свершилось, казалось, что можно петь осанну, но практичная немка сразу попыталась разобраться: какой же страной предстоит управлять. Быстро поняла, что все много хуже, чем ожидалось.

— Гриша, голубчик, попроси, чтобы сходили к Разумовскому и мне купили атлас России.

Орлов изумленно уставился на пять рублей, которые достала из шкатулки Екатерина:

— А это зачем?

— Пусть купят большой, самый большой, какой только найдется в Академии атлас России. У Разумовского есть такие...

— Да ты же императрица, Катиш, только скажи — так принесут. И к чему атлас-то, никак ехать куда-то собралась? Так найдется кому дорогу показать, — хохотнул красавец Орлов.

— Негоже императрице даром брать, не обеднею. Ехать никуда не мыслю, а атлас нужен, чтобы хоть понять, какова страна. Ты вот знаешь, что за Волгой?

— Нужна мне та Волга, мне и в Петербурге хорошо. Дикая народы там.

❖ ЕКАТЕРИНА И ПОТЕМКИН

Фаворит Императрицы

— А надо сделать, чтобы просвещенные были.

Орлов откровенно вытаращился на боевую подружку, ради которой недавно сильно рисковал жизнью.

— Мы за ради этого тебе власть брали, чтобы ты диких просвещала?

— Гриша, отправь за атласом, мне ноне в Сенат идти!

«Атлас» Кириллова действительно принесли, и сам Орлов разглядывал карты с не меньшим, чем Екатерина, интересом; все же в его красивой голове мозги имелись, только уж очень необразованные и ленивые. Императрица подумала, что просвещение надо начинать с собственного любовника, а уж потом добираться до волжских степей и дальше...

Отчеты чиновников были ужасающими. Казна пуста, если что и оставалось, то тут же выгребли на награды участникам переворота, но иначе нельзя, не наградишь — они кого другого приведут к власти. Екатерина не обольщалась насчет любви гвардии к себе лично, прекрасно понимая, что немку русские гвардейцы долго любить не станут, если только эту любовь не подогреть.

На щедрой, богатой земле трудолюбивый неглупый народ попросту бедствовал! Нет, крестьяне не голодали, земля щедро платила за работу на ней, но были настолько забиты своими хозяевами, настолько бесправны и беззащитны, что и людьми-то себя не всегда чувствовали. Ладно бы крестьяне, о них чиновники речь вели в последнюю очередь, но жаловались и мещане, и даже дворяне. Жаловались на мздоимст-